

ТАНЯ ТРОТТЕР

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Таня Гроттер и магический контрабас

Таня Гроттер и Исчезающий Этаж

Таня Гроттер и Золотая Пиявка

Таня Гроттер и трон Древнира

Таня Гроттер и посох волхвов

Таня Гроттер и молот Перуна

Таня Гроттер и пенсне Ноя

Таня Гроттер и ботинки кентавра

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Таня Гроттер и локон Афродиты

Таня Гроттер и перстень с жемчужиной

Таня Гроттер и проклятие некромага

Таня Гроттер и болливый сфинкс

Таня Гроттер и птица титанов

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ
ТАНЯ ГРОТТЕР
И ПРОКЛЯТИЕ НЕКРОМАГА

Москва
2023

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Художник и дизайнер *Инна Гюнтер*

Емец, Дмитрий Александрович.
Е60 Таня Гроттер и проклятие некромага / Дмитрий
Емец. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-170892-4

Жидкое зеркало некромага Тантала... Отвратительный тёмный артефакт, который наделяет даром особого оборотничества. Жизни двух людей — твоя и того, чей облик ты примешь хотя бы раз — с этой минуты сливаются воедино. Уколется один — кровь у обоих. Постепенно их сознание тоже объединяется. Тот, кто нравственно сильнее, будет влиять на более слабого...

Таня мучительно пытается понять: для чего жидкое зеркало Тантала могло понадобиться Бейборсову? Зачем он похитил его из хранилища для особо опасных артефактов? Теперь Магщество разыскивает некромага как преступника. А Глеб скрывается где-то на Буяне. Вскоре Тане и её друзьям становится известно, что в темнице Чумы-дель-Торт заточён дух Тантала. Всё это очень странно! А тут ещё на носу драконбольный матч между сборной мира и сборной вечности...

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-170892-4 © Емец Д., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

ТАЙНЫ ОПТОМ И В РОЗНИЦУ

В жизни всегда масса причин, чтобы чего-то не делать: не бороться, не рисковать, поджать лапки и скиснуть, когда нужно бороться и достигать. Всегда вперёд! Разочарование от НЕСДЕЛАННОГО — самое большое разочарование.

*Личные записи
Сарданапала Черноморова*

Состояние между сном и бодрствованием маги называют «прозорливым предутрием». Именно в этот короткий час приходят ответы на вопросы, которые мучительно задаёшь себе днём.

И вот в то октябрьское предутрие, когда мы начинаем свой рассказ, Таня внезапно поняла, что относи-

тельному и хрупкому душевному равновесию, которым она гордилась последний месяц, этому доказательству своей окончательной взрослости наступил конец. Осознав это, Таня открыла глаза и, не двигаясь, долго смотрела в потолок. Во дворе Тибидохса глухо перекликались циклопы. Ночью мавки опять прорывались из подземного тоннеля в парке, и Поклёп принял все меры предосторожности. В общем, обычное раннее утро обычного осеннего дня.

Заснуть Таня уже не смогла. Ей стал мерещиться толстый чёрный кот, который вспрыгнул к ней на грудь, поднял морду и улыбнулся многозначительно, совсем не по-кошачьи, напомнив Тане чью-то очень знакомую улыбку.

— Чушь! — сказала Таня.

Она рывком села и произнесла заклинание. В комнате вспыхнул свет. Не позволяя себе долго раскачиваться, Таня стала готовиться к магспирантским экзаменам.

«Таня, ты обязательно должна прочесть книгу Онуфрия Приплюснутого «Слова, которые убивают». Только не оставляй её на ночь открытой. Там по страницам блуждает автор, а это не для слабонервных», — сказал ей вчера Сарданапал.

Ознакомившись с сочинениями Онуфрия, Таня отправилась на завтрак. По дороге она привычно побарабанила в комнату Ягуна. Играющий комментатор последнее время просыпал завтраки. Исключением были случаи, когда он не ложился вообще. Но после бессонной ночи у Ягуна обычно не бывало аппетита. Он ложкой прокапывал в каше траншеи и требовал, чтобы вместо солдат в них посадили кусочки солёного огурца или ветчины.

— Не входите, умоляю! Я смущаюсь! Дайте хоть в одеяло закутаться! — сразу после стука раздался из-за двери панический вопль Ягуна.

Таня собралась ждать, но тут дверь распахнулась, и на пороге вырос играющий комментатор во влажном драконбольном комбинезоне. Заметно было, что он только что откуда-то прилетел.

— Не смешно. Что, опять не ложился? — спросила Таня.

— Видишь ли, я надумал наскоро поменять в пылесосе свечи. Поменял свечи, решил попутно посмотреть реактивный усилитель. И свернул там одно крепление... Ну и пошло-поехало. А потом, конечно, пришлось полетать, чтобы проверить, всё ли нормально. И снова, понимаешь, движок трюит!

— Ягун, тебе никогда не приходило в голову, что техника ломается только у тех, кто её чинит?

— Да ну... Хочешь новую экзаменационную задачу? Встречаются в лесу два чувака. Уровень магического мастерства одинаковый, боевой опыт тоже одинаковый. Короче, всё примерно равное. У первого — молот Перуна, у другого — трезубец Посейдона. Оружие, ясный перец, непобедимое, круче нет. Первый чувак — в нагруднике Зевса, у второго доспехов нет, зато на шее амулет — пятка Ахилла. Начинается бой. Удары нанесены одновременно. Кто кого замесит?

Таня пожала плечами:

— Да никто никого. Трезубец Посейдона не посягнёт на мага в нагруднике Зевса. Это дружественные артефакты. А молот Перуна не тронет некромага.

— А как ты докажешь, что второй — некромаг? — разочарованно спросил Ягун.

— Никто, кроме некромага, кости на себе таскать не будет. Они из него силы высосут. Пятка Ахилла — это кость. Что, неправильно?

— Да правильно, — кивнул Ягун. — Я тоже сразу догадался. А третьекурсники почти все засыпались. Вот что значит новая школа.

По дороге в Зал Двух Стихий Таня и Ягун встретили Сарданапала. Академик поклонился несколько на старомодный манер и хотел пройти.

— Постойте! Академик, можно вопрос — милый и ненавязчивый, как я сам? — внезапно завопил Ягун.

Сарданапал остановился:

— Нет. Никаких новых вопросов, особенно милых и ненавязчивых, как ты!

— А я новых и не задаю. Помните мой вчерашний вопрос? Да или нет?

— Разве я вчера не сказал нет?

— Ну поэзья! Не за себя же прошу! Хотите, я на колени встану, а Танька вас поцелует и зайчиком попрыгает?

— Чего-о?! — возмутилась Таня, которая вообще не понимала, о чём Ягун просит Сарданапала.

Сарданапал поморщился. Совершенно ясно, что Ягун не отстанет.

— Опять та же песня! Ну хорошо... Если Ягге поручится, что всё будет более-менее цивильно... — нерешительно начал академик.

— Ура! Считайте, что она уже поручилась! — завопил Ягун.

Сарданапал понял, что ошибся и выбрал не тот рычаг.

— Э-э... Ну да... Хотя учти, если Медузия или Зуби откажут... — осторожно продолжил он.

— Они откажут, только если с ними советоваться. Когда все свалятся на голову, отказывать будет поздно.

И потом, разве не вы глава школы? Разве ваше мужское авторитетное слово не есть закон для нас всех? — надув щёки, сказал Ягун.

Академик устало махнул рукой, буркнул что-то про родство и ушёл.

— И почему это я должна была прыгать зайчиком? — мрачно спросила у Ягуна Таня.

— Ты что, забыла? Я выполнял просьбу Шурасика. Старине Шурасику завтра двадцать лет. Душа его жаждет праздника. А моя душа жаждет шумной толпы контуженых однокурсников.

Таня задумчиво кивнула. Собрать вместе весь курс — что может быть лучше. И Ванька, возможно, выберется.

— Танька, прости, я должен бежать! — спохватился Ягун.

— А завтрак?

— Я забыл сделать одну штуку. Захвати мне чего-нибудь мясного, но чтобы оно не шевелило лапками. Ладно? Ну пока!

И Ягун умчался, паря на ушах, как на крыльях любви. У него вечно были всякие «пылесосные» дела-делишки: понестись туда-то, договориться с тем-то, чтобы тот повёл к какому-то своему знакомому смотреть клапаны или менять присадку на новую трубу. Причём зачем нужен тот, первый, посредник и почему нельзя связаться сразу напрямую, Тане было глубоко непонятно.

Однако бегательная система явно имела свои бонусы, потому что, несмотря на то что Ягун вечно сидел без дырок от бубликов, пылесос у него был самый навороченный в Тибидохсе. Местные же русалки, на чешую которых играющий комментатор постоянно зарился, боялись Ягуна до дрожи. Исключение состав-

ляла Милюля, которая мало того что сама никого не боялась, её ещё и боялся грозный Поклёп. «Подхвостник!» — называл его Ягун с учётом того, что каблук у русалки по известным причинам отсутствовали.

* * *

Ближе к обеду стало окончательно ясно, что Медузия и Великая Зуби не то чтобы согласны принять в Тибидохсе всю ораву, но вроде как активно и не возражают. Другими словами, это было скорее да, чем нет.

— Мигом всех обзваниваем! Надо ковать железо, чтобы было что сдать в металлолом! — велел Ягун.

Таня вздохнула и послушно принялась ковать железо. Когда белая дымка на экране зудильника рассеялась, Таня увидела Гробыню. Склепова томно возлежала на диване, закинув ноги на его спинку. Гуня массировал ей ступни. При этом вид у него был такой суровый, будто он сейчас озверевает и поотрывает Склеповой все пальцы на ногах. Хотя, если вдуматься, у Гуни всегда был такой вид. И тем не менее Гробыня до сих пор была жива.

— О, Гроттерша! Снова ты, бешеная сиротка! Никакого покоя! Никакой личной жизни! — сказала Склепова будничным голосом.

Таня обиделась. Можно было подумать, что в последний раз они разговаривали не несколько месяцев назад, а только вчера.

— Прости! Я, кажется, помешала!

— Ты всегда мешаешь, и я всегда тебя терплю!.. Трудись, трудись, Глом! Не тебе звонят!..

— Что-то у тебя дымно в комнате! — сказала Таня, принюхиваясь. Зудильник неплохо передавал запахи.

— А то! — сказала Гробыня. — А кто виноват? Всё он, тиран и деспот! Вообрази, этот индивид по-

спорил со мной, что я, если постараюсь, способна приготовить яичницу. Вот и проспорила. Пожарные уехали четверть часа назад.

— Она пыталась жарить яйца огнедышащим заклинанием! В доме! Где шторы! Бумага! Деревянные стулья! — злобно крикнул Гуня и дернул Гробыню за большой палец.

Склепова ойкнула и швырнула в Гуню подушкой. Гуня поймал подушку и бросил обратно. Гробыня кинула в него кремом и лягнула ногой. В ответ Гломов, пыхтя, перевернул диван и сбросил Гробыню на пол. Потом уселся сверху и принялся душить. Гробыня не особенно сопротивлялась. Судя по всему, это была такая мирная семейная игра.

— Слушайте, вы явно заняты! Давайте я позвоню через час, — вежливо предложила Таня.

Гробыня замычала. Подняв руку с перстнем, она ужалила Гломова искрой в нос и, освободившись, плюхнулась в кресло:

— Нет уж, Гроттерша! Говори сейчас, чего тебе надо. Через час я буду уже на кладбище.

— ГДЕ?! — испугалась Таня.

— Где слышала! У нас теперь контроль и учёт, сиротка! За всё личная ответственность! Эти тупые вурдалаки уже дважды раскапывали не ту могилу и приводили на эфир кого попало. Грызианка визжит, как фурия, и плюётся кислотой. Чуть какая накладка — виноват всегда тот, кто молод, красив и талантлив. Ну а прав, понятно, тот, кто стар, безобразен и бездарен!

Судя по всему, она давно уже распределила все роли.

— Не буду тебя задерживать. Я только хотела пригласить вас на день рождения! Завтра, в шесть вечера. В Тибидохсе, — сказала Таня.

Гробыня подняла брови. Её глаза так и остались разными. Один был голубой и наивный, а другой хитро смотрел из монгольской щёлочки.

— Ты что, собралась родиться два раза в году? Дело, конечно, твоё, Гроттерша, но сильно не увлекайся.

— Я в курсе, когда я родилась. Я приглашаю вас на день рождения Шурасика. Ему двадцать лет. Первый сознательный юбилей и всё такое, — объяснила Таня.

Склепова хмыкнула:

— Что, Шурасику уже двадцатник? Это круто! А Сарделькокопал дал согласие на бучу по этому поводу?

— Дал. Под поручительство Ягге и Соловья, что крышу сорвёт только у нас, а не у Большой Башни.

— Мудро. Ответственность — это та же шоколадка. Её лучше разделить на всех... — оценила Гробыня. — Ещё вопрос: а чего Шурасик сам меня не пригласил?

— Шурасик прилетает из Магфорда. Он очень занят и просил нас с Ягуном всё организовать.

— А, ну да! Магфорд! — небрежно вспомнила Гробыня. — Шурасик же теперь важная шишка на важной ёлке! Интеллектуальная подпорка для тупого ректора! Его глаза, мозг и язык!..

— Так вы будете или нет?

Гробыня задумалась:

— Гуня, у нас завтра есть передача?

Гломов мрачно замотал головой.

— Мой негритенок-секретарь подтверждает, что передачи нет. Ну так и быть: мы припрёмся. Оркестр, надеюсь, будет?

— И оркестр, и расстрельная команда, — пообещала Таня.

Склепова усмехнулась. Большой бульдозер великодушно не заметил наезда маленькой машинки.

— Ну и славно! Ждите нас! Сарделькокопалу, Клёпе и прочим Медузиям привет! — сказала Гробыня.

Щелчком пальцев она притянула к себе зудильник и метко запустила им в Гуню. Экран погас.

Таня отметила, что имя «Медузия» Склепова особенно не уродовала. И очень дальновидно. Щенок, даже самый отважный, всегда должен знать, на какую собаку тявкать можно, а где лучше взять смысловую паузу.

* * *

После Гробыни Таня обзвонила и остальных по списку. Жикин подскочил к зудильнику сразу. Узнать в нём прежнего красавчика было нелегко. Левая скула раздулась, отчего глаз казался маленьким. С другой стороны, на фингал это походило мало. Желвак вздулся не там, где это обычно бывает после драки, а ближе к носу.

«Сглазил небось кто-то. И правильно. Нечего обманывать юных ведьмочек», — решила Таня не без злорадства.

Жикин узнал Таню и заметался. Если он и ждал чьего-то звонка, то явно не её.

— Чего надо? Перезвони мне через минуту! — крикнул он Тане и отключился.

Экран зудильника ещё не успел погаснуть, когда Таня заметила, что Жикин сорвал со спинки кресла пиджак и суетливо накрыл им что-то, лежащее на столе. Таня не разглядела, что именно. По правде говоря, жикинские секреты её занимали мало. Маги умеют уважать чужие тайны. У них и своих более чем доста-

точно. Она дала Жикину две минуты закончить все дела и перезвонила снова.

На этот раз Жикин ответил после третьего звонка и уставился на Таню с бараньим выражением. Всё, что было на столе, успело исчезнуть, включая пиджак.

— Ну? Чего? Какая информация? — спросил он сердито.

Предположить, что Гроттер могла позвонить ему просто так, без определённой цели, Жорик не смог бы и в бреду. Таня передала ему приглашение Шурасика. Жикин сухо пообещал, что будет, и отключился, не прощаясь. С Таней он никогда не притворялся любезным. Её бы это не обмануло, а ему самому было совершенно не нужно.

«Странная штука жизнь. Мы с Жориком даже обидеть друг друга не смогли бы. Мы не просто разные — мы существуем в разных вселенных», — подумала Таня, глядя на опустевший экран, продолжавший тихо мерцать.

После Жикина она набрала Горьянова, решив сделать сначала все неприятные звонки, а затем переходить к приятным. Вообще-то звонок Горьянову по жребию выпал Ягуну, но хитрый Ягун обменял его на звонок Бейбарсову и Зализиной, который выпал Тане.

Горьянов обнаружился в грязноватой конюшне. За металлической сеткой скорбно жевали сено пегасы. Вид у них был замученный, крылья хилые, в болячках. Все пегасы были либо слишком молодые и неокрепшие, либо старые и заезженные. Таня как ученица Тарараха отметила это сразу.

— А, Танька! Как ты, мать? — заорал Горьянов с несвойственной ему бодростью. Прежде он разговаривал исключительно умирающим голосом.

— Мать нормально. А ты как, отец? — спросила Таня, размышляя, не стукнулся ли Демьян недавно головой.

Горьянов немедленно принялся хорохориться и рассказывать, как круто у него идут дела.

— Занимаюсь, понимаешь, организацией скачек! Все призовые пегасы мои! Нужны будут деньги — ты только заикнись! — заявил он.

— Счита́й, уже заикнулась! Куда к тебе прилететь за деньгами? Вылетаю немедленно, только контрабас достану! — с энтузиазмом вызвалась Таня.

Как она и ожидала, больше к этой теме Горьянов не возвращался да и адресочка, куда прилетать, не оставил. Воротничок рубашки у него был грязный, а магический бриллиант в перстне, который он ей невзначай показал, явно фальшивый. Кроме того, Горьянов определённо начинал лысеть. Учитывая, что ему было всего девятнадцать, это наводило на мысль, что будет лет через десять.

— Я тут босс! Хозяин конюшни! — сообщил Горьянов, но как-то не слишком громко.

— Рада за тебя! Большому кораблю — судьбу «Титаника»! — сказала Таня.

Мимо прошёл молодой косолапый вампир с двумя вёдрами воды. Вампир бесцеремонно толкнул Горьянова ведром и заорал, чтобы Демьян тут не шлялся и валил отсюда, потому что от него вода в вёдрах портится. Горьянов испуганно шарахнулся. Вампир проследовал дальше. Пегасы испуганно шарахались от него и отдёргивали морды от кормушек, ощущая кровососа.

— Кто это? — спросила Таня.

— Э-э... Младший конюх! Я позволяю сотрудникам независимое поведение, если они профессионалы. Лошади его обожают. Души в нём не чают! — объяснил Демьян Тане, убедившись, что вампир отошёл достаточно далеко.

— И правильно делают. У вампиров нет души, — сказала Таня.

Горьянов смутился. Таня пожалела, что одёрнула его. Если не давать мужчине хотя бы изредка хорохориться, он совсем захиреет.

— Демьян, завтра у Шурасика день рождения. В шесть часов в Тибидохсе. Ты сможешь? — спросила она очень ласково.

Горьянов снова заважничал. Достал из кармана исписанный блокнот и стал перелистывать страницы:

— Я жутко занят. Сумасшедший график. На много недель вперёд всё забито... Секретарша просто оборзела!

— Жалко. Ну ничего. Я скажу Шурасику, что ты не можешь. Думаю, он поймёт, — сказала Таня.

Горьянов испугался:

— Стой, не надо! Когда, ты говоришь? В шесть?.. Хм... Я попытаюсь вырваться, хотя, возможно, опоздаю. Вы уж там не скучайте без меня, лады?

Таня пообещала, что скучать они не будут. После Демьяна она позвонила Верке Попугаевой и Дусе Пупсиковой. Обе подруги оказались вместе, поэтому вполне хватило одного звонка.

— Как дела, Тань? Ой, я так рада, так рада! Что у тебя нового? — защебетала Пупсикова.

— Что у неё может быть нового? Играет в драконбол. Зубрит ветеринарную магию. А в личном: Бейбарсов, Ванька, Пуппер — всё та же карусель, — хмуро перебила её Верка.

Её нос беспокойно ёрзал, точно и через экран пытался вынюхать, как там и чего. «Вот собака!» — подумала Таня.

— В драконбол действительно играю. Вернулась в команду, — сказала она сухо.

— А что у тебя с контрабасом? Он у тебя заболел, что ли? — насмешливо поинтересовалась Дуся Пупси-

кова, вновь показываясь на экране зудильника рядом с Попугаевой.

— Кто заболел?

Таня невольно оглянулась на кровать, на которой точно спящий человек, укрытый до половины одеялом, лежал её контрабас.

— Ты его, случайно, кашкой не кормишь? — продолжала язвить Верка.

Несмотря на очевидную глупость вопроса, Таня смутилась. Она относилась к своему инструменту как к одушевлённому существу. Порой даже засыпала, обнимая его, как любимую собаку. Рядом с контрабасом валялись растрёпанные ноты. Таня в очередной раз пыталась научиться не только летать на контрабасе, но и играть на нём. Сарданапал как-то мельком упомянул, что в звучании струн контрабаса скрыта уникальная магия. Капризная, тонкая, своенравная, она гораздо сильнее магии обычных заклинаний. Вот только подобрать к ней ключик совсем непросто.

— Никто никогда не владел этой магией. Только твой отец и дед. Но и они едва ли продвинулись дальше первой страницы, — сказал академик.

После Попугаевой и Пупсиковой Таня позвонила Семь-Пень-Дыру. Вместо Пня на экране зудильника появился его морок, сотворённый, должно быть, из кучи пыли простым щелчком пальцев и парой искр.

— Вы говорите с автоответчиком! Я обязательно передам ваше сообщение хозяину! Оставьте, пожалуйста, ваше сообщение после третьего удара головой об стол! — сказал он.

Пока Таня размышляла, от кого конкретно требуют биться головой об стол, двойник трижды боднул столешницу и повернулся к зудильнику внимательным

ухом. Удивляясь странному чувству юмора Семь-Пень-Дыра, Таня передала приглашение Шурасика.

Остальные звонки оказались ещё проще. Последним Таня переговорила с Кузей Тузиковым, который вызвался примчаться едва ли не прежде, чем Таня объяснила, на чей юбилей его приглашают.

— А, да, Шурасик! А я думал почему-то — Сарданапал. А как приходит — с подарком или без? — проблеял он в страшном возбуждении, как всегда всё путая.

— Лучше с подарком. А там как сам решишь, — сказала Таня.

— А-а, ну да... ну да... А что Сарданапал любит?

— Сарданапал много что любит, но юбилей у Шурасика, — терпеливо повторила Таня.

— А, ну да... ну да... А еда-то у Сарданапала будет?

— Будет, — сказала Таня, зная, что Кузя любит хорошо поесть. Это было видно и по его животу, который всё больше обретал сходство с набитым рюкзаком.

Тузиков сразу воодушевился:

— А, ну да, как иначе?.. А когда прилетать? Завтра? А сегодня к Сарданапалу можно?

— Можно и сегодня. Но только лучше к Шурасику, — повторила Таня без всякой надежды, что Тузиков запомнит. Главное, что он уловил, что приглашают его в Тибидохс, а не на Лысую Гору. Уже немалый прогресс. Лишь бы по дороге не потерялся.

* * *

Отключившись, Таня с облегчением метнула зудильник в большую ивовую корзину, где у неё лежали свитера, разрозненные ноты, конспекты по высшей магии и много чего другого. Корзина стояла на том месте, где когда-то располагалась кровать Пипы. К счастью,

у взрослых студентов Тибидохса есть не только обязанности, но и привилегии. Теперь Пипа жила в отдельной комнате, настолько забитой вещами, что они заталкивались туда только благодаря заклинанию пятого измерения и могучим плечам Бульонова. Комната Пипы находилась в противоположном крыле Жилого Этажа. И это хорошо. Чем дальше люди живут друг от друга, тем лучше у них отношения.

Около часа Таня играла на контрабасе, пытаюсь смычком извлечь из него звуки, обозначенные в нотах. Порой контрабас действительно издавал нечто похожее на эталонное звучание «правильного» инструмента. Чаще же звука вообще никакого не получалось, но вместо этого на столе начинал дрожать стакан или подушка вдруг «взрывалась» перьями, точно кто-то выпалил в неё из дробовика. При этом Таня никак не могла уловить закономерности. Если, положим, в первый раз подушку разносил определённый звук на самой толстой струне, то в следующий раз при попытке повторить тот же звук не происходило ровным счётом ничего. Сто, двести, триста раз Таня повторяла то же движение смычком на той же струне — бесполезно. Контрабас был паинькой, выводил чистую ноту — но только и всего. Лишь перстень Феофила Гроттера злобно хихикал.

— Гад ты, любимый дедушка! — говорила ему Таня. Старичок не обижался и продолжал потешаться.

Таня уже начала уставать и держалась на одном наследственном гроттеровском упрямстве, когда с лестницы донёлся гул голосов. Такой гул бывал трижды в день и обычно означал, что наступило время завтрака, обеда или ужина. Толпы учеников с Жилого Этажа спускались вниз, в Зал Двух Стихий. «Завтрачный» гул был самый тихий и размазанный. Сонливый народ

тащился еле-еле, держась за стены и перила. Многие же вообще пропускали завтрак. Зато на обед и на ужин проголодавшиеся ученики валили толпой. Лестница сотрясалась, и молодцы из ларца едва успевали расстлать самобранки. Топот был слышен даже в магпункте у Ягге.

— О, наши мышинные жеребчики поскакали на водопой! — говорила Ягге.

Случалось, что кто-то — в основном лентяи из третьекурсников, мнящие себя всезнайками, — пытался перенести завтрак, ужин или обед прямо в комнату, используя пространственное заклинание перемещения мелких предметов «*Халявум*», но чаще это заканчивалось тем, что лестницы оказывались перемазанными кашей, а на парадных портретах Древнира висели прилипшие котлеты. Происходило так потому, что, произнося «*Халявум*» и выпуская искру, нужно было чётко представить себе трёхмерную карту Тибидохса со всеми коридорами, башнями, проходами и мысленно прочертить путь переносимого предмета. Стоило недоучесть какую-нибудь стену или поворот лестницы — и именно туда втыкалась злополучная котлета.

После неприятного случая, когда миской с салатом оливье был атакован сам Поклёп Поклёпыч, купивший накануне на Лысой Горе новый костюм, на «*Халявум*» в стенах Тибидохса была наложена блокировка.

Решив, что неплохо будет пообедать, Таня положила контрабас в футляр и, собираясь закрыть его, погладила струны ладонью.

— Прости, но мне придётся тебя оставить! — сказала она, слушая обиженный гул инструмента.

По дороге к лестнице Тане нужно было пройти мимо комнаты Пипы. У закрытой двери с лицом часового стоял терпеливый Бульонов. В комнате что-то грохо-

тало, вопило, буйило. Изредка дверь распахивалась и наружу вылетал ком спутанного и порванного тряпья. Узнать в этой вывернутой наизнанку и изрезанной ножницами рвани одежду из дорогих московских бутиков было почти нереально.

Таня была уже шагах в трёх, когда мимо её лица просвистел и ударился о стену чемодан. Дверь вновь захлопнулась.

— Пипенция не в духе? — спросила Таня у Бульонова.

Тот подтвердил её предположение грустным кивком.

— Хочешь, я к ней зайду и успокою? — предложила Таня.

— Не стоит. Она тебя убьёт. Меня убьёт. Всех убьёт. На ней опять ничего не сходится. Она утверждает, что кто-то сглазил её вещи. На самом деле она снова растолстела, но боится себе в этом признаться. Вот увидишь, с завтрашнего дня сядет на диету и будет питаться одними макаронами. Она от них худеет, как её мамулька от ананасов, — сказал Бульонов.

Таня подумала, что Генка прав. Соваться к Пипе и правда не стоит. Интуитивная магия есть интуитивная магия. Её всплески неподконтрольны даже самой хозяйке.

Таня спустилась в Зал Двух Стихий. Все преподаватели и большинство студентов уже были там. Медузия ругала Поручика Ржевского. Поручик опять пугал младшекурсников, новый набор которых состоялся всего две-три недели назад, своими ножами в спине и прочими дебильными фокусами. На новичков почему-то всегда действует такая дешёвка, как вылезший глаз, плавающий в супе.

Поклёп нервно барабанил пальцами по столу. Ему было неловко. Рядом в бочке сидела Милюля и жадно

терзала белыми зубами ещё живую сельдь. Если рыба билась, Милюля надкусывала её голову и выедала мозги. Доцент Горгонова косилась на русалку и удручённо качала головой. Она не была брезглива, но всё же считала, что русалкам стоит питаться отдельно.

— Недавно подарил ей на день рождения аквариум с золотыми рыбками. Очень уж просила. И угадайте, что Милюля с ними сделала? — натянуто засмеялся Поклёп.

Медузия холодно прищурилась.

— Передайте мне соль, Клёпа! — попросила она.

Поклёп передал соль.

Сарданапал, удручённо качая головой, о чём-то беседовал с Великой Зуби. Зуби морщилась. Она была недовольна, что её отчитывают, как девочку. По кольцу Зубодёрихи кругами бегала красная искра. Глаза за толстыми стёклами очков казались выпуклыми, пристально-проницательными.

Сарданапал говорил тихо, но кое-что до Тани всё же донеслось:

— Дорогая Зуби! Умоляю: не обижайся и не пойми меня превратно. Я не ставлю под сомнение твой профессиональный опыт. Я просто хочу подчеркнуть: чтобы эффективно учить защите от сглаза, не обязательно пачками отправлять учеников на больничные койки.

— Я готовлю их к реальной жизни, академик! На следующий урок, уверена, все придут подготовленными, — сердито отвечала Зуби и отмахивалась от укоризненно-назойливой бороды Сарданапала.

— Она опять сглазила трёх учеников. Наложила на них собачий сглаз. Теперь они в магпункте грызут ножки кроватей. И не только. Ягге говорит, что они будут воображать себя собаками ещё с неделю, — шепнул кто-то Тане.

Таня оглянулась и увидела Колю Кирьянова, теперь уже второкурсника. Внешне Кирьянов мало изменился. Был всё такой же глазастый и бледный.

— Откуда ты знаешь?

— Они были с моего курса, — пояснил Коля и хихикнул.

Лучше бы он этого не делал.

Таня успела блокироваться — в конце концов, она была уже взрослой, — но рядом двое первокурсников свалились со страшной резью в животе. Поклёп беспокойно подбежал к ним. Первокурсников унесли.

— Знаешь, Коля, ты лучше не смейся. И плакать тоже не надо! — настойчиво посоветовала Таня.

За последние месяцы с возможностями Кирьянова познакомился уже весь Тибидохс. Когда Коля шёл по коридору, все прижимались к стенам и дрожали. Когда входил в библиотеку — читальный зал пустел. Бедного же Колю всё время тянуло общаться. Он боялся одиночества. Ночью он всхлипывал во сне, и вместе с ним всхлипывали ещё семь-восемь ближайших комнат.

— А что мне делать? — спросил Коля грустно.

— Просто сиди и ешь. Думай о чём-нибудь в меру жизнерадостном, но ни в коем случае не смешном, — посоветовала Таня.

Вспомнив, что она пришла обедать, а не сидеть на балконе и наблюдать жизнь, Таня с любопытством уставилась на скатерть. Интересно, какая сегодня? Ага, блинчиковая. Это хорошо. На горячие блинчики с маслом соседние столики с удовольствием поменяют и печёную картошку, и плов, и спагетти. Совсем другое дело неликвидная манная каша или тёртый редис с майонезом. На них никто не меняется.

Ягуна до сих пор не было. Это удивило Таню. Играющий комментатор не страдал отсутствием аппетита

и пропускал обед только в исключительных случаях. Обед — это вам не завтрак. К нему надо относиться серьёзно.

К Тане подплыл Поручик Ржевский. За его спиной маячила укоризненная супруга.

— Этот анекдот я слышала... И самый-самый новый тоже слышала... Всё слышала! — сказала Таня прежде, чем Поручик открыл рот.

Последние недели Ржевский донимал её бородами анекдотами, которые были не только сальные, но и кошмарно длинные. К середине анекдота Таня обычно забывала начало. Конец же напроць заглушался гоголем самого юмориста.

Ржевский покачал головой.

— Я без анекдота, Тань. Моей жене сегодня приснилось, что ты плачешь, — сказал он серьёзно.

У Тани отвисла челюсть. Услышать такое от Ржевского! Повторяю по буквам: Р-ж-е-в-с-к-о-г-о!

— Не врешь? — спросила Таня подозрительно.

— Обычно ей вообще не снятся сны, да и спит она крайне редко, а тут такое... В общем, я подумал, тебе интересно будет узнать.

Тане стало жутко. А тут ещё к ней подплыла сама Недолеченная Дама и, заламывая руки, принялась завывать:

— Ты не плакала — ты рыдала. Смотрела, как он уходит, и рыдала! Моё сердце разорвалось бы вторично, если бы давным-давно не истлело в могиле. Я никогда не видела тебя такой подавленной!

— Погоди! Кто уходит? — спросила Таня.

— Этого я не знаю. Я видела только спину... Сон, дорогая моя, — это совершенно особенная вещь. Иногда ты видишь спину, иногда уши — и всё это абсо-

лютно друг другу не противоречит, — назидательно заявила Недолеченная Дама.

Она вытянула губы трубочкой и, воздев глаза к потолку, продолжала:

— Но это была не спина Вольдемара, готова поручиться!.. Вольдемар, немедленно наденьте голову! Лучше уж снимите носки, если вас так тянет что-то снять!.. Ходить без головы в женском обществе дурной тон! Я в шоке!

Призрак послушно нахлобучил голову. Голова Ржевского скорчила рожу и показала жене язык.

— Вы ужасны, Вольдемар! Вы превратили мою уединённую мыслящую жизнь в непрерывное страдание! Брак — это поддержка, это помощь в беде, это понимание, а не страсть и пошлое завистливое соперничество! О, как же ты счастлива, Гроттер, что не станешь женой того, кого любишь!.. — надрывно сказала Недолеченная Дама.

— Что-о-о? — спросила Таня недоверчиво.

— Воспринимай это как пророчество! — щурясь, сказала Недолеченная Дама.

Она взмахнула руками — длинные рукава взметнулись как крылья чайки — и исчезла, оставив Таню в недоумении.

«Так, спокойно! Чего я психую раньше времени? — сказала себе Таня. — Надо посмотреть статистику по сбывшимся пророчествам привидений. То ли седьмой, то ли восьмой том «Книги духов». Если мне не изменяет память, три четверти их пророчеств — полная лажа».

Всё же Таня была взволнована. Несколько минут она просидела в глубокой задумчивости, после чего заставила себя выбросить пророчество Недолеченной Дамы

из головы. Кто даст гарантию, что жена Ржевского это не выдумала? Фантазия у неё богатейшая, а скромный корабль логики давно утонул в пенных водах неуёмного воображения.

Неожиданно со стороны лестницы появился пухлый купидон с кожаной сумкой. В полутьме Зала Двух Стихий кожа купидона казалась зеленоватой. Множество глаз уставилось на амура. Тот наискось пересёк зал, далеко обогнул массивную люстру, в ковном кругу которой пылали факелы, и уверенно направился к Тане. Зависнув на трепещущих крыльях, он уронил ей на колени конверт, сразу развернулся и улетел.

— Странный купидон, — со знанием дела заявил Коля Кирьянов.

«До чего же эта мелочь любит важные интонации!» — подумала Таня.

— Почему странный?

— Ну как? Прилетел во время обеда. Еды везде полно всякой, а он не стал попрошайничать. Где логика?

— А если с ним уже расплатились? — предположила Таня.

— Какая разница? Ты только подумай: вокруг столько еды. Не слишком похоже на купидона — вот так вот взять и улететь от хорошей жизни. Не-а, странно, — заявил Коля Кирьянов.

Таня подумала, что он прав. Дождавшись, пока общее любопытство уляжется и все вновь уставятся в тарелки, она распечатала конверт и быстро взглянула на письмо. Оно было совсем коротким — всего одна строчка:

*Сегодня в полночь жду тебя на побережье
у Серого Камня.*

Ванька

Обычно от счастья не умирают, однако Таня была близка к этому. Как же много может сказать обычный тетрадный лист! Выходит, Ванька решил хотя бы на время, пусть на одну ночь, вырваться из своей глуши! Оставил лешаков, Тангро, оставил жеребёнка, которого ему подарили два месяца назад (обычный немагический жеребёнок, тонконогий, с белым пятном на носу — будто в краску влез), и теперь мчится в Тибидохс на своём древнем пылесосе, по которому скучает любая свалка.

В полночь на побережье у Серого Камня! Это романтика, которую почти нереально ожидать от Валялкина. Неужели правда соскучился и взялся за ум? Прежний Ванька назначил бы ей встречу где-нибудь у клеток с гарпиями. Он лечил бы гарпий от кровососущих паразитов, которых у тех полно под крыльями. Гарпии в благодарность покрывали бы его заборной бранью и плевались слюной, после которой остаются ожоги.

Таня невольно засмеялась, прижимая листок к колену. Угол бумаги трепетал: должно быть, кто-то из находившихся сейчас в Зале Двух Стихий проявлял любопытство. Таня наугад послала лёгкий икательный запук, но, кажется, ни в кого не попала. Но всё же предупреждение подействовало. Её письмо оставили в покое.

Видя, что Таня смеётся, впечатлительный Коля Кирьянов не выдержал и захохотал. Соседний стол опустел, как если бы кто-то методично прошёлся по лавке из пулемёта. Пятикурсники сыпались так же, как и третьекурсники. Против Коли не существовало эффективных блоков. Тане повезло. Она сидела близко к Кирьянову и находилась от него в «мёртвой», не простреливаемой магией зоне. Её лишь слегка подбросило и опустило на прежнее место.

К Коле Кирьянову подполз Тарарах, сдёрнул его за ногу и перекинул животом через плечо.

— Пойдем-ка, братец, ко мне в берлогу! Там ты успокоишься, и всё будет славненько, — прогудел он.

В голосе Тарараха не было раздражения — только бесконечная доброжелательность. Разве бедный мальчик виноват, что его смех и слёзы выкашивают магов, как коса Мамзелькиной, правда не с таким летальным исходом? Кирьянов бывал в берлоге у Тарараха уже не в первый раз. Даже помогал ухаживать за животными. Со временем из него вполне может вырасти новый Ванька.

* * *

После письма Таня уже не могла успокоиться. Она постоянно думала о Ваньке и не понимала содержания конспектов по ветеринарной магии, которые пыталась читать, чтобы отвлечься. То есть отдельные-то слова она осознавала и могла объяснить, но общий смысл упорно ускользал. Даже простейшее предложение: «Волосы, добровольно состриженные с ушей у лешего и добавленные в ведро воды, выдержанной три ночи на лунном свете, по сообщениям античных источников, являются эффективным средством против радикулитов у крупного рогатого скота, хотя проблему нельзя считать до конца изученной и она продолжает нуждаться в углублённом изучении» — ей пришлось прочитать раз восемь, прежде чем она поняла, о чём идёт речь.

«Нет, сегодня заниматься уже бесполезно. Всё равно ничего не запомню», — подумала Таня, отправляя тетрадь с конспектами в полёт, завершившийся в ивовой корзине.

Она надела комбинезон, распахнула окно и, убедившись, что Поклёп не караулит во дворе школы, проскользнула на контрабасе между башнями Тибидохса. Обходить полётные блокировки они с Ягуном научились давно. Проплыла выщербленная, со сбитыми зубцами, со следами бывших осад стена, знакомая Тане так, что она с закрытыми глазами, лишь ощупывая сколы зубцов, могла бы сказать, где находится. Сколько раз они бродили здесь с Ванькой!

Во рву лицом вниз плавал раздувшийся синий утопленник. Непривычный первокурсник пришёл бы в ужас, но Таня знала, что это всего лишь водяной, причём не мёртвый, а натрескавшийся рыбы и дремлющий. Именно к этому водяному Поклёп жутко ревновал Милюлю. Однажды дело дошло до того, что он едва не вскипятит ров искрами. Милюля, помнится, хихикала и говорила всем: «Мой Клёпа — жю-у-уткий мавр».

Согнув левую руку в локте, Таня прижалась к контрабасу. Прильнула к нему щекой, ощутила прохладную и ободряющую сухость полировки. Она часто так делала, сама не зная зачем. Это стало частью одного из множества ритуалов и примет, которыми невольно обзаводится всякий маг, — с какой ноги встать, на какую ступеньку не наступать или наступать, на какое место не садиться или садиться, какого зуба касаться языком, когда вытягиваешь билет на экзамене...

Контрабас был чутким и нервным. Он реагировал на любое движение смычка, на положение тела, даже на наклон головы. Когда инструмент разгонялся, достаточно было отставить всего лишь палец на руке, сжимающей смычок, чтобы контрабас начал плавно разворачиваться. Иногда Тане казалось, что он способен слышать мысли и реагировать на настроение.

Досадный порывистый ветер с юго-запада дул Тане в спину и гнал её вперёд, как судно под парусом. Вроде как помогал, но на самом деле мешал. Подгонял так стремительно, что всё время сбивал с курса. Нос контрабаса разворачивало вниз. Исправляя курс, Тане приходилось нацеливать смычок с бóльшим запасом, чем она делала бы это в безветренную погоду.

Таня была уже недалеко от драконьих ангаров, когда её внимание привлекли сразу несколько белых вспышек «Грааль Гардарики». Заинтересованная этой странностью, Таня перестала снижаться и, вскинув руку со смычком, заставила контрабас набрать высоту. Ей представилось, что это мог прилететь Ванька, хотя в этом случае вспышка была бы всего одна и совсем не белая. Однако Таня была слишком взбудоражена возможностью скорой встречи, чтобы рассуждать логически. Пригнувшись к грифу контрабаса, она произнесла «*Торопыгус угорелус*» и устремилась навстречу вспышкам.

«Помчусь ему навстречу, будто на таран, а потом резко наберу высоту. Если же он свалится, я успею его подстраховать *«шмякисом брякисом»*, — прикинула она.

Однако всё оказалось не так просто. Таня была уже в какой-то сотне метров, когда стало ясно, что никакой это не Ванька, а несколько склепов Магщества Продрыглых Магций. Склепы уверенно летели прямо на Таню. Она видела круглые головы магфицеров. За ними в ряд маячили пепеломётчик с помощником, боевой маг и три стрелка со глаздоматами. Над склепами на шестах завывали сирены проблескового ужаса. Заметив несущуюся на них Таню, глаздоматчики взяли её на прицел. Боевые маги припали к шарам. Засуетились и пепеломётчики, разворачивая в сторону Тани свои громоздкие агрегаты. Пятьдесят метров, тридцать...

Каменные склепы не сворачивали. Магфицеры не делали попыток изменить направление. Таня поняла, что её лёгкий контрабас сейчас просто размажут. Она обхватила гриф левой рукой и, бросив его вниз, чтобы не попасть под случайный выстрел, ушла от лобового столкновения. Склепы пронеслись над ней, рассекая воздух. Контрабас завертело, и, лишь увеличив и без того немаленькую скорость, Таня обрела контроль над инструментом.

Не делая попыток преследовать её, склепы Магщества пронеслись к Большой Башне Тибидохса. Лишь сглаздоматчики выцеливали Таню, пока она оставалась в зоне огня. Таня зачем-то сосчитала склепы. Их было пять. Четыре, расположенных каре, и один, огромный, бронированный, окружённый двойным кольцом магической защиты, в центре. Кого перевозил бронированный склеп, определить было невозможно. Все опознавательные знаки отсутствовали. Склеп был наглухо закрыт и непроницаем. Лишь для пилота имелось небольшое окошко в передней части, да сзади была башенка с торчащими в ней дулами счетверённого сглаздомата такого устрашающего калибра, что одним выстрелом можно, вероятно, не только сглазить мага, но и навеки проклясть пятиэтажку подъезда в три.

Проследив направление кортежа, Таня сообразила, что он летит на луг у Большой Башни, который в дни встреч всевозможных делегаций используется как посадочная площадка. Навстречу склепам Магщества из главных ворот Тибидохса уже направлялось несколько точек — две маленькие и три большие. Скорее всего, кто-то из преподав и несколько циклопов охраны. Большой спешки и суеты в их движениях не наблюдалось, из чего Таня заключила, что прибытие склепов не стало неожиданностью для руководства Тибидохса.

Будь это иначе, «Грааль Гардарика» никогда не впустила бы посторонних, да ещё и вооружённых до зубов магов.

«Натуральные идиоты!» — буркнула Таня. Мысль, что она могла погибнуть так глупо и неосторожно, настигла её только сейчас. Страх запоздало пришёл и постучал в запертые двери.

Вспомнив, что она направлялась в драконьи ангары, Таня вновь развернула контрабас. Как всегда с ней бывало после неоправданного риска, теперь она летела с удвоенной осторожностью и даже отказалась от своего обычного опасного манёвра при посадке. Манёвр состоял в том, что Таня, не снижая скорости, рискуя контрабасом и головой, пролетала в узкую щель между столбом, страхующим охранную магию поля, и стеной ангара.

Тренировка должна была начаться не раньше чем через час. Драконьё поле пока пустовало. Лишь кое-где на трибунах были заметны группы учеников, в основном младшекурсников, пришедших заранее, чтобы посмотреть на игру. Почти в каждом из зрителей жила надежда, что Соловей его заметит и оценит: «Эй, малый, иди сюда! У нас защитника нет! Слушайте, а у парня дар! Какой перевертон! Срочно в команду!»

Конечно, случалось такое раз в сто лет, но если очень ждать и надеяться, то сто лет не такой уж и большой срок.

Приземлившись, Таня отправилась искать Соловья. Для начала она поочередно заглянула в оба ангара, в одном из которых Гоярын струями пламени разгонял драконюхов, а в другом резвились его великовозрастные сыновья. Старого тренера в ангарах не оказалось. Это Таня поняла ещё раньше по поведению джиннов. Драконюхи двигались вяло и работали неохотно.

Несколько лентяев, побросав вёдра и лопаты, валялись на куче песка (точнее, учитывая природу джиннов, *над кучей песка*) и курили трубки. *Курящий* джинн — это совсем не то же самое, что *курящий* лопухойд. Человек вдыхает дым и выдыхает его. У джинна же дым остаётся внутри и, медленно смешиваясь с влажным туманом, составляющим тело, странствует, принимая очертания людей, животных, камней и всего, что придёт джинну в голову.

«Если вы потребуете у меня выразить сущность джинна двумя фразами, то вот они: «Не существует нормального джинна, равно как не существует и ненормального джинна. Джинны вечно плавают между двумя берегами», — вспомнила Таня слова Сарданапала.

Когда она проходила мимо бездельничающих джиннов, те лишь лениво приподняли припухшие веки. Ни один не сделал попытки потянуться к лопате.

«Только Соловья и боятся. Даже на Тарараха, по-моему, плевали», — подумала Таня с досадой.

Прикинув, где может быть тренер, она через поле отправилась к раздевалкам. Навстречу ей ветер гнал по песку обтрёпанный лист бумаги. Сама не зная зачем, Таня наклонилась и поймала его. Это оказалась страница, вырванная из книги, или, скорее, из журнала.

Текст не имел ни начала, ни конца, но всё же Таня прочитала его:

Некромаг не знает слова «нет».

Некромаг всегда идёт до конца.

Некромаги не боятся одиночества.

Основное отличие мертвяка от некромага: некромаг мёртв всегда.

Некромаги не боятся любить и ненавидеть.

Некромаги не сомневаются. Они действуют.

Некромаг любит ночь.

У некромагов отсутствует брезгливость. Они способны спать в разрытой могиле на груде костей.

Некромаги никогда не меняют своих планов, какими бы бредовыми они ни были.

Некромаги способны на спонтанные поступки.

Некромаг подобен стреле, выпущенной в цель. Если цель по какой-то причине исчезает, существование стрелы теряет смысл.

Некромаги не любят себе подобных. Когда на одной тропе встречаются два некромага — один должен погибнуть. (Исключение: некромаги разного пола или некромаги, выросшие вместе.)

Дух некромага, который убил себя сам или был убит более сильным некромагом, вселяется в победителя.

Некромаги однолюбы.

Дыхание некромага убивает мелких животных.

Поцелуй некромага не забывается.

Драконы и лошади интуитивно ненавидят некромагов.

У некромагов не бывает детей.

Некромаги никого и ничему не учат. Они самодостаточны и эгоистичны в своём знании. Некромаг, который выбрал ученика, готовится к...

Таня скомкала лист и сунула его в карман. Вопросы, как лист попал на поле и почему она решила поднять его, она себе не задавала. Всякому магу ещё на первом курсе Тибидохса раз и навсегда вбивают в голову, что случайностей не бывает. Каждую минуту нам даются ответы, и надо только понять, на какой именно вопрос.

* * *

Нырнув в промежуток между двумя секторами, Таня вошла в раздевалку.

Соловей, маленький, седой, кривобокий, сидел на деревянной лавке и разглядывал что-то, низко наклонив голову. Таню он не заметил. Дверь, на пороге которой она стояла, находилась за его спиной. Отсюда, от дверей, Соловей внезапно показался Тане состарившимся мальчиком, уставшим, покалеченным, но всё таким же неунывающим и озорным. Она вдруг испытала к старому тренеру острую любовь, смешанную с жалостью. Нечто подобное она порой чувствовала и к Ваньке.

Не окликая Соловья, Таня приблизилась и заглянула ему через плечо. Ей было интересно, на что он смотрит. Почувствовав, что кто-то стоит у него за спиной, Соловей с досадой обернулся. С его губ почти сорвался гневный возглас, но тут он узнал Таню.

— Привет! Что-то ты сегодня рано, — сказал Соловей, смягчаясь.

Таня была его любимицей. Сердиться на неё он не умел, разве только ворчал иногда, когда во время разбора игры она не понимала того или иного тактического замысла.

— Я хотела... В общем, наверное, ничего не хотела. Просто не знала, чем заняться, — проговорила Таня. Сказать правду всегда проще, чем выдумывать громоздкие объяснения.

Соловей кивнул:

— А я вот смотрю старые фотографии. Не хочешь взглянуть? — После короткого колебания он протянул Тане снимок.

Она взяла пожелтевший четырёхугольник картона. Снимок был чёрно-белый, поспешный, неживающий,

не столько снимок, сколько случайный щелчок лупо-хонидным фотоаппаратом. Похоже, кто-то из зрителей запечатлел один из моментов матча, когда игроки приблизились к его трибуне.

Весь первый план занимал громоздкий великан с множеством глаз, использующий в качестве полётно-го средства дубину размером со ствол молодой сосны. За его спиной виднелся ещё кто-то, однако Таня в него особо не вглядывалась.

Соловей осторожно наблюдал за Таней:

— Узнала? Аргус. Стоглазый страж. Монументален, а?

Таня не спорила:

— Да, крупный дядя. Поле загромождает прилично. А кто другой?

Соловей ответил не сразу:

— Хочешь сказать, что не узнаешь?

— Не-а.

— А ты попытайся!

Получив подсказку, Таня вгляделась во второго игрока. Немного смазанная, голова его была обращена к ней ухом. Можно было догадаться, что у игрока курчавые волосы и одет он в старомодный комбинезон. И лишь когда Таня увидела, на чём он летит, её пронзило острое, как боль, прозрение. Таня узнала бы свой контрабас из тысячи.

— Папа? — спросила Таня дрогнувшим голосом. Слишком много разных чувств это в ней пробудило — вины, тоски, радости, невозвратной потери.

Соловей кивнул:

— Да, точно. Это Леопольд. На том матче сборной вечности с бабаями, который теперь проходят на уроках магстории. Один паренёк весь матч щёлкал на мыльницу.

— А какой он был? — спросила Таня. Сам по себе вопрос был банален — но кто виноват, что все важные вопросы в этом мире уже заданы?

Ответ Соловья оказался неожиданным:

— Твой отец? Хм... Лео был беспокоен, непоседлив, немного пижон, бывало, тянул одеяло на себя, но умел думать. Причём не только за себя, но и за всех. Он часто видел то, что у него за спиной, но абсолютно не видел того, что у него перед носом. Такой дар есть не у многих.

Таня удивилась, но тотчас поняла, что Соловей говорит о её отце как об игроке в драконбол. Разумеется, ведь для Соловья эта часть личности её отца была главной.

— Да, Лео умел соображать. Он ощущал матч от начала до конца как единое целое. Всегда знал, когда нужно атаковать самому, а когда лучше отдать пас. Никакого мелочного самолюбия — только интересы команды. Был смел и эффективен. В сборную вечности, как ты догадываешься, попадают не за греческий нос и красивые уши.

— А ещё? — жадно спросила Таня.

Старый тренер задумался. Взгляд его единственного глаза переместился с фотографии на Таню.

— Видишь ли, быть просто ловкой и просто быстрой мало. Мало уметь поймать заговорённый пас и нырнуть под струю пламени прежде, чем тебя поджарят. Главное — ощущать ткань матча, его динамику, его развитие. Матч как человек: у него есть всплески, есть ровное течение, а есть глубокие провалы. Ты же знаешь, как это бывает. То все ползают как сонные мухи, то злятся друг на друга, то гадят, как Горьянов когда-то гадил Ягуну. Бывает, настроение у всех на нуле и, кроме как в раздевалку, никто никуда не хочет.

Хоть палкой их бей — не проснутся. Так вот, твой отец Лео был душой команды. Даже очевидные лентяи в его присутствии играли лучше, чем всегда.

— А как он этого добивался? — спросила Таня.

Как начинающий тренер (Соловей часто оставлял на неё ученическую команду Тибидохса, когда ему нужно было отлучиться) Таня отлично понимала, о чём речь. Дело было не в том, что, стоило Соловью удалиться, ученическая команда сразу начинала сачковать и филонить, а сыновья Гоярына, перестав летать, предпочитали поваляться на разогретом песке. Существовали какие-то общие стихийные настроения, которые вдруг разом охватывали всю команду. Это мог быть ровный результативный накал игры, но чаще это были агрессия, лень, уныние, равнодушие, и тогда даже талантливые игроки начинали играть в треть силы.

Соловей провёл пальцем по длинному шраму, расклевшему лицо. Центром шрама была пустая глазница.

— Драконбол — игра командная. Даже пять отличных игроков-индивидуалов мало что смогут сделать против слаженной команды среднего уровня, которая мыслит как единое целое. Но добиться этого крайне сложно. Люди, объединённые в команду, поначалу существуют по законам толпы. Пусть маленькой, но толпы.

— И что тут дурного? — спросила Таня.

— Плохо то, что толпа глупа по определению. Собери толпу — пусть даже из тысячи профессоров и академиков, — и как единое целое она будет глупее десятилетнего мальчишки. Дай такой толпе самого заурядного пастуха, который будет изредка пощёлкивать кнутом и бросать в неё куски сахара, — он погонит её куда угодно, хоть на бойню.

— И мой отец был таким пастухом? — спросила Таня с обидой.

— Нет. Лео был реалист. Он понимал, что никто не способен несколько часов подряд остервенело носиться за мячиком. Даже у подготовленного игрока существуют реальные физические возможности, через которые перешагнут разве только полубоги, некромаги и кое-кто из нежити. Бывает враг, которого можно раздавить сразу, в первые минуты. Но если у них хороший дракон и надёжная защита — а в Высшей Лиге только так и бывает, — лучше придержать силы и попытаться измотать противника. Пусть он растеряет сильных игроков, выбросит из колоды козырей, даст считать свою тактику, а тогда уже можно и в атаку.

— Разве это честно?

— Это абсолютно честно, особенно в матчах Высшей Лиги. Нечестно использовать игроков типа Кэрилин Курло или О-Феи-Ли-И, которые своей магией выщёлкивают твою команду, точно из обреза. Для таких вот Курло и приходится держать собственных костоломов, а это превращает драконбол в бои магических гладиаторов, — внезапно крикнул Соловей.

Старый тренер вскочил и, прихрамывая, заметался вдоль шкафчиков. Маленький, кособокий, взъерошенный, он походил на воробья, только что искупавшегося в луже. Спohватившись, что это мысль довольно сомнительного толка, Таня поспешно экранировала сознание. Мало ли, к каким последствиям это приведёт. Начальство принято уважать. Если не уважаешь начальство, либо оно хиреет и чахнет, либо хиреешь и чахнешь ты.

Однако Соловей был мало склонен копаться в чужих мыслях. У него было слишком много собственных:

— Драконбол вырождается! Я отдал ему всю жизнь, и мне грустно наблюдать, как он медленно умирает. Вскоре он либо окончательно превратится в магический мордобой, когда восемь из десяти игро-

ков будут сглажены в первые же пять минут матча, а остальных испепелят чуть позже, либо станет заурядным шоу с драконьими салютами, хвастунами на новых пылесосах и красивыми ведьмочками, которые станут кривляться вдоль арены, воображая себя «группой поддержки». Зрители же, окружённые тройным рядом циклопов, будут скромно пить морковный сок. Причём сок будет в самоутилизирующихся картонных пакетах, чтобы не было соблазна запустить бутылку кому-нибудь в голову. Нет, я не хочу дожить до минуты, когда драконбол выродится на самом деле.

Таня слушала, вбирая каждое слово. Услышать от молчаливого Соловья такой длинный монолог можно было не часто.

— И что вы собираетесь сделать, чтобы помешать ему выродиться? — спросила она.

Соловей грустно усмехнулся.

— То небольшое, что было в моих силах, я уже предпринял, — произнёс он после долгого молчания.

— Что именно?

— Сегодня утром я вызвал сборную вечности. Матч со сборной вечности — это всегда страница истории. Его помнят долго. Это тот эталонный драконбол, который не забывается. Я скромно надеюсь, что это хоть что-то изменит, — сказал он просто, будто сообщал о совершенном пустяке.

— Вы вызвали сборную вечности? Вот так вот просто? — спросила Таня недоверчиво.

Она знала, что ритуал вызова сборной вечности чудовищно сложен. В нём должно участвовать не менее семи магов, сменяющих друг друга, и длится он примерно неделю. Обычно вызов сборной вечности происходит торжественно, в центральном зале Магшества. Магзеты начинают писать о нём за полгода, зудиль-

ники верещат не переставая. А тут раз! — так быстро и просто. Таня не верила.

Соловей коснулся её руки:

— Ты плохо знакома с высшими формами магии, девочка моя. Да, ритуал сложен, но только если это парадный ритуал. Глобально же он лишён смысла, как лишена смысла армия циклопов с дубинами в век пеломётов, ковров-самолётов и заклинаний всеобщего уничтожения. Есть и более краткие формы вызова. Правда, они обычно связаны с необходимостью жертвы. Предполагается, что, если маг готов оплатить вызов собственной кровью, такие заявки рассматриваются загробной канцелярией в первую очередь...

— То есть нужно порезать себе ладонь, чтобы вытекло несколько капель крови? — наивно спросила Таня.

Старый тренер усмехнулся.

— Примерно так, — сказал он и показал ей левую руку. Таня с ужасом увидела, что на ней отрублен мизинец, а рана завязана окровавленной тряпкой.

Таня задыхнулась от жалости к тренеру.

— В сущности, мизинец мы используем не так уж и часто. Самый пустой и ничтожный палец, — равнодушно пояснил Соловей.

— Вы отрубили себе палец, чтобы принести жертву?!

— Назвать жалкий палец достойной жертвой слишком громко. Я лишь добился того, что мой вызов услышали. Через двадцать дней, ровно в одиннадцать утра, сборная вечности материализуется на драконьем поле Тибидохса. Но не хочу тебя обнадеживать, Таня. Леопольда среди игроков не будет. И ты знаешь почему, — сказал Соловей.

Таня наклонилась и подняла фотографию, выпавшую из руки тренера. Хорошо, что у неё была короткая пау-

за, чтобы не смотреть на Соловья. Хотя бы потому, что она знала: Соловей тоже будет избегать её взгляда. Самые глубокие сердечные раны лучше зарастают в одиночестве. Любой друг, любой близкий человек способен лишь залепить их куском лейкопластыря, не более.

— Он позволил мне забросить мяч. Сборная вечности не прощает таких вещей. Даже один пропущенный мяч — пятно на их репутации, — сказала она.

Сквозняк раскачивал металлическую дверцу пустого шкафчика. Соловей, не любивший скрипа, захлопывал его, но дверца вновь открывалась. Звук повторялся.

— Я разослал приглашения в Магфорд, бабаям, гандхарвам, много кому. У всех тренеров я прошу прислать их лучших игроков. Сборная мира против сборной вечности. Не думаю, что найдётся тренер или просто любитель драконбола, у которого не дрогнет сердце, когда он услышит о таком матче, — сказал Соловей.

— И Пуппер будет? — спросила Таня, пытаясь сообразить, кто конкретно может собраться, чтобы противостоять сборной вечности.

Соловей пожал плечами:

— Не знаю. В идеале хорошо бы, а там если магфордский тренер отпустит.

— А может не отпустить?

— Слишком большой риск. По общей статистике игр со сборной вечности, за последние двести лет тридцать процентов игроков получали инвалидность, а ещё десять отправились на кладбище. Правда, последние несколько матчей жертв удавалось избежать — но кто его знает? Сборная вечности ни с кем церемониться не станет. Для тебя принципиально, будет ли Гурий в сборной мира?

Таня, помедлив, покачала головой. В сравнении с тем, что сегодня в полночь она увидит Ваньку, остальное действительно мелочи.

— Гурий несчастный, — сказала она.

— Кто несчастный? Пуппер? — удивился тренер.

— Да, но вам не понять. Ни один мужчина не способен поверить, что богатый и успешный человек может быть глубоко несчастен, — укоризненно сказала Таня.

Соловей усмехнулся:

— Если ты такая добрая, отправляйся в человеческий мир и жалей бомжей. В этом будет хоть какая-то последовательность.

— Почему?

— Ты не задумывалась, почему жалеть успешных Гуриков выстраивается очередь, а на бомжей, стариков и сирот, которые действительно нуждаются в жалости, всем плевать? В лучшем случае обойдут их метров за десять и не пнут ногой. И вообще осторожнее с жалостью, девочка. Поверь моему скромному многовековому опыту: жалость разбила в этом мире больше судеб, чем все стрелы и мечи, вместе взятые. Со временем любые раны затягиваются сами, жалельщики же их только растравливают. Опять же те, кого жалеют, подсаживаются на жалость, как на иглу, и сознательно начинают создавать поводы для жалости. Замкнутый круг — любимая геометрическая фигура идиотов, — насмешливо сказал Соловей.

Таня ничего не ответила, однако подумала, что её вновь поняли неправильно. То, что Гурик несчастный, вовсе не означает, что конкретно она, Татьяна Леопольдовна Гроттер, собирается записываться в очередь девушек, стоящих с носовыми платками и одноразовыми салфетками.

— Выброси всё лишнее из головы и готовься! С сегодняшнего дня у тебя начинается тяжёлая жизнь. Две тренировки в день плюс вечером занятия по индивидуальной программе. Экзамены, болезни, личная жизнь — всё это меня не интересует. Любую уважительную причину заведомо объявляю неуважительной. Хотя бы тебе пришлось вытаскивать Сарданапала из пропасти на верёвке. Видишь, что опаздываешь, — обрезай верёвку, ноги в руки — и марш сюда!

Таня улыбнулась. Другого она и не ожидала. В своей страсти к драконболу старый тренер не брал пленных.

— Вы очень добры, — сказала она.

— Те, кого я грабил когда-то на прямоезжей дорожке, тоже так считали. Подозреваю, именно тогда и возникло выражение «просвистеть денежки», — согласился одноглазый тренер. — Погода меня тоже не волнует. Хоть дождь с градом, хоть ураган — ты должна быть на поле. Лучше, если ты сейчас умрёшь от насморка или перегрузок, чем через двадцать дней от драконьего пламени. Вопросы есть?

— Только один.

— По существу?

— Надеюсь. Кто будет десятым игроком сборной вечности вместо папы?

Единственный глаз тренера вскинулся на неё. Таня ощутила ожог. Соловей был сильным магом.

— Почему ты спросила именно об этом? — подавшись вперёд, хрипло спросил тренер.

— А что тут такого? Я только хочу понять, против кого придётся играть.

Тренер некоторое время пристально смотрел на Таню, затем моргнул и отвернулся.

— Прости... — буркнул он. — Ты сама не представляешь, о чём сейчас спросила. От того, кто будет

десятым игроком, зависит не только судьба матча. И это всё, что я тебе сейчас могу сказать. Прости!

В раздевалку просунулась румяная физиономия Маши Феклищевой. Два верных пажа из третьекурсников тащили за ней щёлкавшее зубами чучело крокодила.

— Привет! А я думала, тут никого! Здравствуйте, Соловей Одихмантыч! Привет, Тань! — сказала она зашкаливающе бодрым уличным голосом, каким говорят только молодые радостные люди, когда, запыхавшись от бега, появляются на пороге. Это их визитная карточка.

Соловей оглянулся на Таню и быстро поднёс палец к губам. Таня поняла, что о матче со сборной вечности он расскажет команде сам и в другое время.

Без особой цели, просто желая занять руки, Таня сунула ладонь в карман и ощутила скомканный бумажный лист. Интересно всё же, как он оказался на поле? Джинны читали?

— А некромаги когда-нибудь играли в драконбол? Я имею в виду — на профессиональном уровне? — спросила она просто так, из озорства.

Металлическая дверца шкафчика, которую Соловей собирался захлопнуть, внезапно оторвалась и осталась у него в руке. Некоторое время тренер с недоумением разглядывал её, затем отбросил и вышел.

Глава 2

СЕРЫЙ КАМЕНЬ

Всякое чувство и всякое удовольствие нужно прекращать на пике. Тогда оно запомнится. От крошечного кусочка торта удовольствия гораздо больше, чем от целого, который тебя заставят съесть под ружьём.

*Личные записи
Сарданапала Черноморова*

Когда после тренировки Таня прилетела в Тибидохс, по коридорам высшей школы на дрожащих паучьих лапках бродили слухи. Они вползали во все двери, забегали в путаные проходы и поднимались по лестницам, на ходу обрастая паутиной подробностей.

Все уже знали, что Магщество доставило в Тибидохс что-то чудовищно важное и преподаватели совещаются в кабинете Сарданапала. Склепы Магщества находились пока на прежнем месте — у подъёмного моста. Из главного, бронированного склепа так никто и не вышел. Сглаздоматчики окружали его четырёхугольником, никого не подпуская. По углам четырёхугольника они установили пепеломёты.

Слухи распространяли все кому не лень. Особенно старался Поручик Ржевский. Он сунулся было к боевым магам, надеясь, что как призрак пролезет куда угодно, но его немедленно *дрыгнули-брыгнули*, причём так капитально, что он едва не утратил сущность.

— Хорошо ещё, что я как благородный человек пропустил вперёд жену! Она у меня особа шустрая, смылась первой, так что овдоветь опять не удалось! — охотно пояснял он всем, кто интересовался.

Интересовались, увы, немногие.

Заметив на балкончике Большой Башни Тарараха, Таня подлетела к нему. Питекантроп был не в духе. Он стоял, облокотившись о перила, ковырял в зубах и сердито сплёвывал вниз, на брусчатку.

— Добрый вечер, Тарарах! — сказала Таня, притормаживая у балкончика.

— Два раза в день здороваются только подхалимы. Или если кому-то не терпится что-нибудь разнюхать, — пробурчал питекантроп.

Он ухватил Таню за пояс, приподнял над перилами и, помогая ей не разбить инструмент, осторожно поставил рядом с собой. Таня перехватила контрабас за гриф.

— Ты меня разоблачил. Я надеюсь разнюхать, — сказала Таня.

— Знаю, даже сочувствую, но сказать тебе ничего не могу. Сарданапал связал нас «Разрази громом!», — заявил честный питекантроп.

— Клятва есть клятва. Я и так догадываюсь, что привезли артефакт, — сказала Таня.

— Артефакт? Да леших с два артефакт! — горячо воскликнул Тарарах. — Скажу только одно: академик прав. С нами поступили по-свински. У них есть Дубодам? Вот пусть бы они там и... — спохватившись, что сказал слишком много, питекантроп замолчал.

— Что «и...»? — быстро спросила Таня.

Тарарах упрямо мотнул головой, и Таня поняла, что это всё. Больше об этом он не заговорит, как ни хитри. Хотя, если задуматься, она и так уже выяснила немало.

— Усыня, Горыня и Дубыня снова взялись за старое. Ставят в лесу самострелы на оленей. Если окажешься в лесу — будь начеку. Охраннички, ёлы-палы... Разберусь я с ними! — хмуро сообщил Тарарах.

Таня попыталась представить, как Тарарах, не обладая особой магией, будет разбираться с тремя великанами. Другое дело Медузия. Усыня, Горыня и Дубыня боятся её до дрожи.

— Мальчикам не хватает протеина, — заметила Таня.

— Мальчикам не хватает мозгов. Вчера я чудом не схлопотал стрелу в голову. Двухметровая дрянь с деревянным наконечником... Прикрутят самострел намертво к дереву, а верёвку у земли листвой закидают.

Таня кивнула. Ей вспомнилось письмо, которое Ванька написал месяца полтора назад.

— Лесники охраняют лес от браконьеров, но никто не охраняет его от самих лесников... — процитировала она по памяти.

— Никто, кроме леших и самого Ваньки, что уже неплохо, — поправил Тарарах.

Вернувшись в комнату, Таня стянула драконбольный комбинезон и озабоченно оглядела его. М-да, эти грязеочищающие заклинания не так уж и полезны. Одежда от них теряет цвет, съёживается, нитки расползаются, и после двадцатого заклинания вещи выглядят как после сороковой стирки. Неизвестно ещё, что лучше. Недаром Пипа с Гробыней дразнили когда-то Таню, утверждая, что если бросить где-нибудь в коридоре свитер и джинсы, то можно не сомневаться: рано или поздно в них заползёт Гроттерша.

Конечно, времена меняются, но привычки остаются. Равнодушная, как и прежде, к одежде, Таня всё же понимала, что на матч со сборной вечности нельзя

выходить в комбинезоне, который не выдержит струи драконьего пламени даже на излёте. Упырья же жёлчь средство хорошее, но далеко не универсальное.

«Надо что-то решать», — мельком подумала Таня, однако уже понимала, что сейчас, в эту минуту, ничего решать не будет.

До полуночи оставалось ещё много времени. Таня заглянула к Ягуну, однако играющего комментатора в комнате не оказалось. На двери висела записка: «**Вернусь через пять минут**», однако та же записка висела и три часа назад. Насколько Тане было известно, эту универсальную записку Ягун вывешивал вне зависимости от того, уходил ли на час или смывался куда-нибудь дня на три.

«Интересно, куда подевался этот типус?» — подумала Таня. Можно было, конечно, спросить у Лотковой, но не факт, что Катька знает. Ягун трепетно оберегал свою личную свободу от всех, в том числе и от собственной девушки.

Толкнув дверь Ягуна, которая от неё никогда не запиралась (а вот не в меру любопытные младшекурсники мигом напоролись бы на охранное заклинание), Таня с порога оглядела выпотрошенные внутренности десятка пылесосов и вышла.

* * *

В десять вечера Таня оторвалась от конспектов по высшей магии и распахнула окно. Она не могла просто так сидеть и ждать. А вдруг Ванька прилетит раньше? Лучше уж побродить по побережью, послушать океанские волны...

Контрабас бесшумно выскользнул наружу. В несимметрично расположенных бойницах соседней Башни

Привидений мелькали голубоватые огоньки. У подъёмного моста громко переговаривался караул циклопов. В ручищах у одноглазых гигантов распускались оранжевые цветы факелов.

Склепы Магшества исчезли. Похоже, магфицеры уже передали опеку над тем, что охраняли, Сарданапалу и поспешили удалиться, пока глава Тибидохса не передумал.

Ощутив укоризненное покалывание защитной магии, Таня перелетела стену, и вот она уже над парком. Белеют при лунном свете посыпанные песком дорожки. Поначалу скученные, трусливо жмущиеся, дорожки быстро разбегаются и теряются в зарослях. Здесь, в круглой рошце, проходит граница, которую не отваживается пересекать наглая нежить. Парк, находящийся под охраной давней магии Древнира, не их территория. Исключения составляют домовые, русалки с водяными, к которым преподаватели относятся более-менее нормально, и наглые хмыри, рыскающие повсюду, где есть чем поживиться.

Пролетев над буреломом и скалами, Таня оказалась на побережье. Внизу всё уже сливалось. Туман проглатывал линию берега, и казалось, что скалы растут прямо из воды, являясь продолжением океанской пены.

Таня осторожно приземлилась. Она шла в тумане, и ей казалось, что она не идёт, а плывёт в густом облаке. Всё было как-то нереально. Если бы не мёрзли ноги, Таня вполне могла бы допустить, что побережье — это сонный морок, игра воображения. Однако забившийся в обувь влажный песок и контрабас, с упорством маньяка бьющий её сзади по ногам, доказывали, что если это и сон, то очень уж правдоподобный.

Серого Камня Таня по-прежнему не видела, однако угадывала, что он где-то рядом. Перстень Феофила зажёгся, заискрил и окутался ободом слабого зелено-

ватого сияния. Защищался от растворяющей сущность чёрной магии, испускаемой Серым Камнем.

Когда и при каких обстоятельствах на острове Буяне появился Серый Камень, не знал никто. Даже Сарданапал пожимал плечами. Сходились на том, что Серый Камень существовал ещё до Тибидохса.

Громада камня уходила в песок. Лишь малая часть была видна на поверхности. Если бы он внешне имел что-то общее со скальными породами побережья, можно было бы посчитать его их частью. Скалы легко крошились. Серый же Камень не брало ничего: ни дубины циклопов, ни топор, ни молот. Даже двойные боевые искры он поглощал без какого-либо вреда для себя. Поначалу — много столетий назад — его тайна не давала тибидохцам покоя. Но постепенно к ней привыкли и камнем перестали интересоваться. Собственный магический фон валуна был не так уж и велик. Разве что отличался исключительным постоянством. Зимой, летом, в дождь, в мороз Камень сохранял однородное магическое поле, имеющее слабый алый окрас. Говорили, что Серый Камень даёт силу нежити и заряжает ослабленные тёмные кольца.

Под ногами у Тани что-то раздражённо пискнуло и шарахнулось в сторону. Таня поняла, что налетела на хмыря, который и сам не различил её в тумане.

— Сдохнеш-ш-шь! Сгниёш-ш-шь! — мстительно донеслось из темноты.

Таня пустила на голос «Мотис-ботис-обормотис» — и, судя по злобному воплю, не промахнулась. Обещая ей всяческие напасти и скорую смерть в страшных судорогах, хмырь поспешил удалиться. Таня не придала его угрозам значения. Если бояться всех хмырей, то и жить не стоит. Надо добровольно ложиться в гробик и складывать ручки на животике.

Таня подошла к Серому Камню, который вынырнул из тумана как-то вдруг, точно всплыл из небытия, и провела рукой по его поверхности. Камень был теплее воздуха и, несмотря на туман, совсем не влажный. Таня хотела сесть рядом на песок и прислониться к нему спиной, но перстень предостерегающе обжёг её палец. Он по-прежнему был окутан защитным сиянием.

В тумане, метрах в десяти от Тани, вновь замаячил хмырь. Уже другой, не тот, которого она прогнала «*обормотисом*». Хмырь стоял и смотрел на неё слезящимися жабыми глазами. Затем процедил что-то, развернулся и удалился прежде, чем зелёная искра оторвалась от кольца. Минут через десять подошёл ещё один, с головой, смахивающей на мятое мусорное ведро. И снова всё повторилось. Хмырь постоял, потоптался и удалился, не рискнув приблизиться.

Таня задумалась. Три хмыря сразу — это не могло быть просто совпадением. Существует причина, по которой хмыри ночью подходят к Серому Камню. Может, греются, а может, Камень излечивает их от ревматизма.

Ваньки всё не было. Немного погодя слева со скал скатилось нечто, похожее на кучу тряпья. Словно кто-то сбросил старый пиджак, набитый соломой. Тряпье зашевелилось и, постанывая, точно от зубной боли, поползло к Камню. Таня ощутила исходившие от него голод и лютую сосущую тоску.

«Мавка! Порядком ослабленная!» — поняла Таня.

Она подняла перстень, произнесла громоздкое закливание третьего уровня сложности и очертила мысленную границу. Подпускать мавку ближе было опасно. Почти так же, как и устанавливать с ней визуальный контакт. Энергетическая сущность мавки была липкой. Она хлюпала, булькала и засасывала, как слив заво-

нявшей раковины. Тянулась и пачкалась, как чужая жевательная резинка, на которую неосторожно сели. Её невозможно было отодрать. Она так и расплзалась по ткани, составляя с ней единое белёсое целое.

Стеная, мавка дважды проползла вдоль незримой границы и удалилась к скалам. Там она и осталась, издавая кошмарные звуки. Если не знать, что это стонет мавка, можно было подумать, что человеку ампутировали ногу тупой пилой.

Пока Таня разбиралась с мавкой, подошла ещё пара хмырей, и Тане пришлось доступно объяснить им, что здесь их не любят и не ждут. Фоново же она ощущала себя злодейкой, которая нарушает привычные ночные маршруты нежити.

«А Ванька, однако, романтик! Более придурочного места нельзя было придумать! Посидит у себя на Иртыше ещё месяца с три — и назначит мне свидание при свечах в свежевырытой могиле», — подумала Таня.

Подумала, и ей стало совестно, что подобная мысль вообще пришла в голову. Нельзя сомневаться в том, кого любишь и с кем уже связала свою судьбу. Сомнения возможны лишь на стадии выбора, но не тогда, когда выбор сделан. Причём унизительно это не столько для него, сколько для тебя. Если Рубикон перейдён и мосты сожжены, переходи в наступление, а не пытайся получить назад деньги в магазине за два коробка отсыревших спичек.

Таня вспомнила предпоследнее письмо Ваньки.

На самом деле всё очень просто. Только дураки всё усложняют. Наша любовь будет продолжаться до тех пор, пока мы сможем прощать друг другу собственное несовершенство. Умные и зоркие люди мгновенно находят друг у друга